

Все выпили, поэтому на обратный путь вызвали водителей. Чжао Шэнгэ и Чэнь Вань жили в виллах у горы, им было не по пути. Тань Юмин поехал в машине Чжо Чжисюаня.

Проспект Баоли был залит светом, как днем. Тань Юмин, закинув ногу на ногу, сидел на заднем сиденье и велел водителю ехать в комплекс «Пинхай».

Чжо Чжисюань, опершись локтем на окно, немного помялся, но всё же спросил:

— Ты так и живешь на работе? Как давно ты не был дома?

— Не знаю, — ответил он не отмахиваясь, а действительно не помня. В доме на улице Цзошидэн сейчас, наверное, никто не жил. Оба хозяина, не сговариваясь, назвали экономке одну и ту же причину — пик проекта, нужно экономить время на дороге.

Такое бывало и раньше, так что подозрений у семьи это не вызвало.

Лицо Тань Юмина было скрыто в полумраке, но Чжо Чжисюань всё равно заметил его нахмуренные брови.

— Ты в порядке?

— Нормально, — Тань Юмин устало прикрыл глаза. Чжо Чжисюань достал мягкий плед, укрыл его и больше не тревожил.

Машина подъехала к комплексу. Окно на заднем сиденье опустилось. Охранник на секунду опешил, увидев Тань Юмина в толстовке, но тут же поздоровался и пропустил их.

— Давай я тебя провожу до дверей, — Чжо Чжисюаню совсем не нравилось его бледное лицо.

Ночью поднялся сильный ветер. Тань Юмин натянул капюшон толстовки так, что была видна только половина лица:

— Зачем провожать? Тут два шага, пошли уже.

В паре кварталов оттуда, в бизнес-парке «Хуаньту», даже в выходные на многих этажах горел свет. Шэнь Цзуннянь поднялся прямо на 32-й этаж. Миновав зону отдыха, он сразу прошел в кабинет.

Включил компьютер и систему вентиляции. Всего за день отдыха система заполнилась непрочитанными сообщениями.

Шэнь Цзуннянь просматривал и утверждал документы один за другим. Его пальцы летали по клавиатуре, пока он не открыл предварительный проект по приобретению акций. Рука замерла над мышкой.

Спустя долгое время Шэнь Цзуннянь написал в графе для подписи: *«Предварительный план утвердить»*.

Спустя неделю «Пинхай» созвал рабочее совещание по корректировке ключевых проектов. Каждый почувствовал в воздухе нечто необычное.

После совещания Ян Шиянь сообщила Тань Юмину:

— Господин Чжуан ждет в переговорной.

— Проводи его в мой кабинет.

Секретарь заварила чай для Чжуан Вэя. Тань Юмин расстегнул пуговицы пиджака, встал и пригласил его сесть на диван для гостей.

Чжуан Вэй был личным финансистом Тань Юмина. Он достал документы, которые Тань Юмин поручил ему подготовить полмесяца назад, и выложил их на стол.

— Господин Тань, мы достигли предварительных договоренностей с другой стороной. Но этот проект мы обсуждали с личным финансистом господина Шэня. Он не затрагивает активы «Пинхай» и «Хуаньту».

Тань Юмину было всё равно: сам ли Шэнь Цзуннянь вел переговоры или его финансист.

— Главное — довести дело до конца.

Раз Шэнь Цзуннянь решил выйти из их совместного предприятия CEP в Норт-Пойнте, то Тань Юмин заберет свои инвестиции из других проектов, где они были тесно связаны.

Он собирался продать свои акции. Игра окончена.

И начнет он с проекта «Гуансюнь». Это была первая компания-газель, в которую он инвестировал еще в студенческие годы. Но для Шэнь Цзунняня она первой не была.

Когда Шэнь Цзуннянь впервые решил попробовать свои силы, он не рискнул брать с собой Тань Юмина. В эту небольшую компанию он посоветовал Тань Юмину вложиться только после того, как сам изучил все схемы, прощупал почву и убедился в полной безопасности.

«Гуансюнь» пережила период бурного роста, преодолела долину смерти и, перейдя к фазе скачкообразного развития, продолжала наращивать рыночную стоимость. Для неопытного Шэнь Цзунняня и сидевшего в башне из слоновой кости Тань Юмина эта компания стала важной вехой.

Но Тань Юмин всегда доводил дело до конца. С чего начали, тем и закончим. Он запросил цену в три раза превышающую рыночную стоимость акций, и отказался от опционов.

Зная об их хороших отношениях с Шэнь Цзуннянем, Чжуан Вэй счел своим долгом предупредить его о рисках:

— Рыночная стоимость «Гуансюнь» уже совсем не та, что прежде. Без вливаний капитала от «Хуаньту» господин Шэнь столкнется с колоссальным финансовым давлением.

Лицо Тань Юмина было непроницаемо, а сердце остыло. Какое ему дело до чужого давления? При разводе и разделе имущества люди готовы друг с друга кожу содрать. А если он думал разорвать с ним партнерство и выйти сухим из воды, то это слишком наивно.

Проект «Гуансюнь» был лишь первым шагом Тань Юмина. Он сделал глоток чая и холодно бросил:

— Если у господина Шэня проблемы с деньгами, продадим кому-нибудь другому.

Хотя в душе у Чжуан Вэя оставались сомнения, он был человеком осторожным и не стал больше задавать вопросов:

— Вот список активов для раздела и операционные отчеты. Если после утверждения у вас не возникнет вопросов, я продолжу работу с финансистом господина Шэня.

Тань Юмин просматривал документ за документом, отмечая всё новые и новые гигантские суммы переводов и отступных. В груди разливалась бесконечная, жестокая радость. Но после того, как он поставил подпись на каждой странице, на него нахлынуло чувство безграничной пустоты и потерянности.

Чжуан Вэй в последний раз уточнил все детали перевода и ушел с документами.

Тань Юмин остался сидеть на диване, не шевелясь. За окном сияло яркое, прозрачное солнце — в точности такое же, как в то лето, когда они, полные грандиозных планов, разрабатывали проект «Гуансюнь».

Десять лет назад Шэнь Цзуннянь шаг за шагом учил его охотиться. Десять лет спустя Тань Юмин применил все эти навыки против него самого.

Неизвестно, сколько он так просидел, пока Ян Шиянь не сообщила по внутренней связи, что приехал господин Чжо.

Тань Юмин вспомнил, что они с Чжо Чжисюанем договорились пойти на салон-презентацию к Ван Сыминь.

— Пригласи его.

Чжо Чжисюань был в легком темно-синем костюме. Выглядел он элегантно и непринужденно.

— Занят?

— Да так, — Тань Юмин потер виски, пытаясь скрыть следы усталости. — Присаживайся, я пока умоюсь.

— Не торопись, — Чжо Чжисюань подошел к шкафчику и стал рассматривать механизм для подзавода часов. Между делом он бросил: — Я только что в лифте с Чжуан Вэем столкнулся. Опять что-то грандиозное затеял? А брата в долгу не берешь.

Чжуан Вэй был не только личным финансистом, но и бизнес-консультантом Тань Юмина.

— Нет, — Тань Юмин вытер лицо полотенцем и стянул галстук. — Попросил его уладить кое-какие дела с «Гуансюнь».

— А что с «Гуансюнь»?

— Буду продавать.

— Продавать? — Чжо Чжисюань повысил голос. В его памяти «Гуансюнь» оставалась той самой экспериментальной площадкой, которую Шэнь Цзуннянь подарил Тань Юмину. — Кому?

— Тому, кто захочет купить, — Тань Юмин снял с подзаводчика часы и надел их на запястье. Заметив, что это был подарок Шэнь Цзунняня на день рождения, он тут же снял их, швырнул в сторону и взял те, что подарил Тань Чуншань. — Хочешь — тебе продам. С трехкратной

наценкой.

— С трехкратной?! — Чжо Чжисюань был в шоке. Он тут же всё понял. — Ты собираешься продать их Шэнь Цзунняню! Ты с ума сошел? Трехкратная цена — да ты его по мирупустишь!

Тань Юмин, словно от удара током, вскинулся:

— Именно! Я хочу, чтобы он остался ни с чем!

Его улыбка была холодной и незнакомой. Чжо Чжисюань крепко сдвинул брови:

— Тань Юмин, ты, блядь, что...

Слова «от любви до ненависти» вертелись на языке, но он проглотил их.

Если это так, то что это за любовь? А если нет, то что тогда?

Чжо Чжисюаню стало страшно. Он ляпнул первое, что пришло в голову:

— Ты что, совсем с катушек слетел, Тань Юмин?

— Не смей продавать «Гуансюнь»! Ты пожалеешь об этом. Точно пожалеешь!

Но Тань Юмин был тверд, как камень, и холоден, как лед:

— И не подумаю жалеть.

— Не подумаешь? — взорвался Чжо Чжисюань, его голос даже задрожал. — Да ты, блядь, из-за малейшей его простуды места себе не находишь! Стоит ему съездить к семье Шэнь — ты устраиваешь скандал до небес! Ссоры ссорами, обиды обидами, но твои капризы и истерики должны иметь границы! Если ты пойдешь на принцип, поверь мне, если он разорится, ты первым будешь рыдать! Если он серьезно пострадает, больнее всего будет тебе самому!

Слова ударили по самому больному. Тань Юмин распахнул глаза. Накопившиеся за эти дни обиды прорвались, как прорвавшаяся плотина:

— И что, по-твоему, я должен делать?! А?! Что мне остается?! — Он так сильно сжал в руке часы, что с размаху швырнул их на пол. Стекло брызнуло во все стороны. — Это я иду на принцип?! Чжо Чжисюань, я?!

— Сколько раз, блядь, я просил его остаться! Я не просил ни денег, ни акций, ни власти! И что, он хоть раз на меня посмотрел?! А?!

Чжо Чжисюань замер, не в силах вымолвить ни слова.

Скажи мне, за что? Почему он так со мной поступает? С самого детства, хоть в чем-то я перед ним провинился? Что я сделал не так? Зачем он так со мной?

В глазах Тань Юмина полыхала ненависть.

— Раз он не помнит ничего хорошего и шарахается от меня, как от чумы, с какой стати я должен строить из себя благородного друга и разыгрывать красивое расставание? Зачем мне цепляться за то, что он выкинул как мусор? Раз он так подло со мной поступил, я буду еще хуже! Меня, Тань Юмина, еще никто, блядь, так не предавал!

— И я тебе больше скажу: не только «Гуансюнь», я продам все наши совместные активы!

Он не хотел больше видеть ничего, что связывало бы его с Шэнь Цзуннянем. Вместе заработанные деньги, общие акции, совместные проекты и инвестиционные компании — всё это каждую секунду напоминало ему о том, как от него отделились, как его бросили, как оставили позади. И в будущем с Шэнь Цзуннянем на совещаниях, переговорах и биржевых торгах будет сидеть кто-то другой. Не он.

— И это только начало! Раз он посмел так со мной поступить, пусть готовится к последствиям своего ухода!

— Тебе кажется, что я импульсивный, капризный и придираюсь без повода — да пожалуйста, — он словно свыкся с этой мыслью. — Всю жизнь, стоило нам поругаться, вы все думали, что виноват я, — Тань Юмин горько усмехнулся. — Даже ты так считаешь, Чжо Чжисюань. Но кто из вас знает, как он изводил меня за закрытыми дверями?

— Я не понимаю, в чем моя вина, Чжо Чжисюань. Если знаешь, скажи мне.

У Чжо Чжисюаня заципало в носу. Неужели это тот самый Тань Юмин, которого он знал? Всегда яркий, свободолюбивый, полный жизни Тань Юмин.

Чжо Чжисюань был нелюбимым ребенком в семье. Он с детства таскался хвостиком за «золотой молодежью».

В их кругу всё держалось на выгоде и связях. Но были и искренние чувства. Просто с годами всё менялось. Чжао Шэнгэ стал холодным и расчетливым, Шэнь Цзуннянь — мрачным и скрытным. И только Тань Юмин десять лет оставался прежним: верным, преданным, искренним и чистым душой.

Когда двоюродные братья унижали Чжо Чжисюаня, именно Тань Юмин вступался за него. На совершеннолетие он с криком «Сюрприз!» подарил ему спорткар — то, что родители никогда бы не купили. На кружках он всегда первым выбирал Чжо Чжисюаня в свою команду, хотя никто другой даже не смотрел в его сторону.

Тань Юмин брал под свое крыло и согревал многих. Он был для них негаснущим солнцем острова. Чжо Чжисюань никогда в этом не сомневался.

Но сейчас это пылающее пламя готово было погаснуть.

Чжо Чжисюаню было невыносимо тяжело на это смотреть. Его сердце сжалось от боли. Сделав глубокий вдох, он подошел, поднял разбитые часы Jaeger-LeCoultre, положил руку ему на плечо и после долгой паузы тихо сказал:

— Прости меня, Тань Юмин. Прости. Я совсем не то имел в виду. Я... я ляпнул не подумав. Не бери в голову.

Среди друзей всегда есть те, кто ближе. Чжо Чжисюань не мог не встать на его сторону.

— Я знаю, как тебе больно. И не думаю, что ты неправ. Просто... просто я испугался, что ты не всё продумал. Что потом пожалеешь и будешь страдать. Я ни в коем случае не виню тебя.

— Это я виноват. Не подумал, что говорю. Не злись на меня. Ты же знаешь, я всегда на твоей стороне. Что бы ни случилось, верь мне.

Он так разволновался только потому, что боялся: Тань Юмин в пылу эмоций навредит и другим, и себе. Но было очевидно, что Тань Юмин уже ранен. Ранен так, что едва держится на ногах.

Чжо Чжисюань обеспокоенно спросил:

— Тебе нездоровится? — Он налил горячей воды и протянул Тань Юмину: — Вот, выпей, немного полегчает.

Тань Юмин не пошевелился. Чжо Чжисюань так и стоял с кружкой в руке. Спустя мгновение Тань Юмин сделал глубокий вдох, поднялся и, взяв себя в руки, ответил:

— Не нужно. Пойдем.

Чжо Чжисюань всё еще тревожился:

— Может, сегодня не поедем? Я посижу с тобой, отдохнешь. Хочешь, в мяч покидаем? Или покатаемся, развеемся...

— Чжо Чжисюань, — прервал его Тань Юмин. — Я в порядке. Не нужно этого. — Он уже твердо решил больше не страдать из-за всей этой ерунды. — Пошли. Дела не ждут. В конце концов, я что, без него не выживу?

На душе у Чжо Чжисюаня стало еще тяжелее. Он вздохнул:

— Тогда я поведу.

<http://bllate.org/book/17117/1614123>